

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

СТР. 2

СВЕТ МАТЕРИНСТВА
В ЗВУЧАЩЕЙ ТИШИНЕ

СТР. 2

ПОЕТ, СЛОВНО КРУЖЕВА
ПЛЕТЕТ

СТР. 3

ТАМ, ГДЕ ВСТАЕТ СОЛНЦЕ

СТР. 4

БЕЗДОМНЫЙ ТЕАТР
С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ «НОТР-ДАМ»

Легендарный мюзикл «Notre Dame de Paris» по одноименному роману Виктора Гюго совершил триумфальное возвращение на московскую сцену. С 31 октября по 4 ноября зрители бесконечным потоком стремились в Крокус Сити Холл, некоторые не могли удержаться от посещения нескольких спектаклей подряд! А самые горячие поклонники уже «готовят сани летом» — резервируют места на концертное исполнение весной 2013 года. Недаром мюзикл вошел в Книгу рекордов Гиннеса по продаже билетов в премьерный год. Сегодня «Нотр-Дам» крепко держит марку и расширяет географию.

История музыкального «Notre Dame de Paris» началась в 1993 году, когда либреттист Люк Пلامондон предложил идею будущему автору знаменитых песен-арий «Belle», «Le Temps Des Cathédrales», «Vivre» Риккардо Коччианте. Благодаря совместной работе двух супер-мастеров мюзикл завоевал поистине мировое признание. Премьера состоялась во Франции в 1998 году. Мировое турне оригинальной постановки охватило лучшие концертные залы Бельгии, Канады, Швеции. С некоторыми изменениями поставили мюзикл в Италии, Испании, США, Великобритании. Российская премьера на русском языке состоялась в мае 2002 года (продюсеры Катерина Гечмен-Вальдек, Александр Вайнштейн и Владимир Тартаковский; автор текста Юлий Ким). А этой осенью, спустя десятилетие, уже другая московская сцена снова превратилась во Францию XV века, но звуки Парижа зазвучали теперь... по-английски.

Создание английской версии мюзикла принадлежит Уиллу Дженнингсу, автору знаменитого саундтрека к «Титанику» «My heart will go on». Либреттист-переводчик хотел сделать спектакль доступным для всего мира, воспользовавшись сегодняшней *lingua franca*. Однако такое преподнесение творения великого Гюго нашло отклик далеко не у всех. Уже после первых московских спектаклей страницы социальных сетей пестрели негодованием и

убеждением, что «Notre Dame» — произведение чисто французское, с неповторимым обаянием французской фонетики и антуража. Более всего была не по душе ревнителям *français* «Ave Maria» с невыговариваемой по-английски «р». Другие же требовали исполнения на *понятном* (то есть русском!) языке. Увы, мы живем не в билингвальные

наполеоновские времена, и потому идея универсальной версии мюзикла на английском вполне актуальна. К слову, французское *Belle* (красавица) весьма удачно превратилось в английское *bell* (колокол), когда своими красавицами-колоколами восторгается Квазимодо в арии «The Bells». А частое обращение к Эсмеральде «*gypsy girl*» (цыганка, англ.) сильно упростило возвышенное и страстное французское «*Bohémienne*» и явно проигрывало.

Новая версия мюзикла ослепила российскую публику приездом талантливейших певцов со всего мира: *Алессандра Феррари* (Эсмеральда), *Мэтт Лоран* (Квазимодо), *Маттео Сетти* (Гренгуар), *Айван Педнолт* (Феб), *Роберт Марье* (Фролло), *Элисия МакКензи* (Флер де Лис), *Йэн Карлайл* (Клопен). Особенное внимание, разумеется, привлекли исполнители главных ролей.

Хотя в зале часто слышались упреки в адрес Мэтта Лорана и сравнения с легендарным Пьером Гару (в пользу, естественно, француз), исполнителем все же удалось добиться почти натуральной «хрипотцы».

Исключением можно считать разве что сомнительную финальную ноту, что, в общем, можно списать и на момент трагической развязки (ария «*Dance, my Esmeralda*», где Квазимодо оплакивает мертвую возлюбленную). Ансамблевые же сцены с участием Квазимодо явились, пожалуй, самыми яркими и своим драматизмом буквально

акте белая сорочка. Романтические перипетии с участием героя-любownika были дословно переданы сценической ситуацией: женский дуэт-согласие Эсмеральды и Флер де Лис «Солнце жизни — Феб», где Феб своим появлением на сцене образовал недостающий угол любовного треугольника. Взволновала публику и его известная ария-смятение «Как мне быть?». Гренгуар — певец Парижа, участник и одновременно комментатор событий (еще и официальный муж Эсмеральды!) — компенсировал положение героя второго плана необыкновенным голосом и лирическими ариями «Соборы», «Флоренция», «Луна». Маттео Сетти в этой роли был явным фаворитом публики наряду с исполнителями партий Квазимодо и Эсмеральды. «Репризное» (в завершение мюзикла) исполнение им арии «Соборы» («*The Age Of The Cathedrals*») стало результатом многочисленных и предсказуемых бисов, которые в некоторых постановках даже закрепились в либретто.

Одержимый страстью священник Фролло, благодаря актерскому таланту Роберта Марье и душераздирающим ариям-признаниям, явно располагал зрителя к сочувствию. Несмотря на то что у Гюго это отрицательный персонаж, постановщики самым откровенно подчеркнули, что и духовенству не чуждо ничто человеческое: Фролло-судья появлялся в длинной черной сутане с капюшоном, но как только он обращался к Эсмеральде с признанием и роковым предложением, он оказывался в черном брючном костюме с непокрытой головой, как бы показывая свою открытость и неумную страсть.

Феб де Шатопер не сразу был идентифицирован как капитан парижских стрелков: уж больно его одежды напоминали и по цвету, и по ткани костюмы бродяг. Выручали разве что блестящий оттенок кольчуги и надетая во втором

сти. Потому образ музыкальной героини получился не столько страстным андалусийским, сколько покладистым и мягким. Великолепная танцевальная труппа, будучи по сюжету группой бродяг и шутов, в известном номере «Праздник шутов» исполняла отнюдь не шуточные акробатические трюки. Атлетически сложенные танцоры, сопровождавшие динамичными па упомянутую арию Феба о любви к двум девушкам, будто передавали метания души молодого любовника, что было подчеркнуто и световыми эффектами: свет то включался, то выключался и всполохами освещал одного из танцоров на заднем плане сцены.

Вообще свето-цветовое решение было вполне привычным: моменты смерти героев отмечены традиционным кроваво-красным светом (надо признаться, только это и «помогло раскрыть» убийства: покушение на Феба в момент randevu, клетка-тюрьма Эсмеральды, падение с башни священника, виселища...). Французский антураж с типичными горгульями, колесом пыток Квазимодо, «испанским сапожком», очертаниями собора на заднике сцены —

Если Эсмеральда, виновница всех событий, у Гюго покоряла Париж уличными танцами, то певица Алессандра Феррари — вокальными данными. Копируя оригинальную постановку, режиссер и хореограф не посчитали нужным дополнить эту роль замысловатыми па. Напротив, руководствовались принципом: «минимум движения» — больше грации и нежно-

дополнял ощущение пребывания в средневековом Париже. Аскетично, но в духе эпохи. И зрителю было не так уж важно, на каком языке идет спектакль. Вечный сюжет драмы Гюго понятен на любом, тем более когда на помощь приходит язык поистине универсальный — музыка!

Анна Филиппова,
студентка IV курса ИТФ

ДРУГАЯ МУЗЫКА

СВЕТ МАТЕРИНСТВА В ЗВУЧАЩЕЙ ТИШИНЕ

«...В центре — человек, его судьба, характер, взаимоотношения с окружающими. Главное — выразить “жизнь человеческого духа” в художественной форме» — так обозначила кредо Восьмого Международного театрального фестиваля «Сезон Станиславского», проходившего в Москве с 4 октября по 7 ноября, его директор-координатор Зейнаб Сеид-Заде. Концентрация внимания на человеке — одна из характеристик спектакля «Среди облаков», который был сыгран тегеранской труппой Mehr Theatre Group в рамках фестиваля на сцене Театра Луны.

Постановщик — молодой иранский режиссер и драматург Амир Реза Кухестани (1978 г. р.) — известен как в Европе, так и на родине. Он не впервые привозит свою работу в Россию: в 2003 году его спектакль «Танец на стекле» был показан на Международном театральном фестивале имени А. П. Чехова; в 2008-м — на Четвертом фестивале «Сезон Станиславского» зрители увидели «Квартет. Путешествие на север». Будучи драматургом, он не забывает отдавать долг и бессмертной классике — в прошлом году режиссер выпустил «Иванова» по пьесе Чехова, которого, к слову, иранцы знают и любят. «Среди облаков» (2004) — пьеса самого Кухестани; премьера состоялась в Бельгии (2005), а затем ее увидели в двадцати городах мира.

Как всегда в иранских искусствах, подтекст — важнее текста. Полнота раскрытия смыслов зависит лишь от глубины знаний, богатства жизненного опыта и тонкости душевной организации воспринимающего, что позволяет произведению быть доступным любому, не теряя при этом своей художе-

ственной ценности. И хотя театральное искусство обладает большой долей реальности, режиссеру удалось почти невозможно: за кажущейся однозначностью происходящего у него скрывается множество смыслов (как в поэзии Хафиза, где один текст предполагает многочисленные варианты трактовки).

Очень взрослый, чрезвычайно смелый, детально продуманный спектакль, безусловно, обладает своей эстетикой. Он вряд ли доведет зрителя до слез, и, быть может, мало найдется тех, кто скажет, что эта работа завораживает; но атмосфера,

созданная режиссером, заставляет задуматься. Черта менталитета иранцев, заключающаяся в нежелании выносить свой внутренний мир на всеобщее обозрение, стала причиной возникновения в их культуре естественной парадигмы выражения *многого через малое*. Отсюда — точность и тщательный отбор режиссером приемов, которые помогают сдержанно, но полно выразить любую мысль. Минимум декораций — три аквариума, удачно обыгрываемые и превращающиеся во всевозможные предметы; три луча света, бьющие на сцену слева, справа и сверху; паузы.

Спектакль рассказывает историю двух бредущих по Европе людей, по разным причинам покинувших Иран, — молодого мужчины и беременной женщины. То, что мы видим на сцене, есть только высвеченная часть жизни героев, начало и конец которой уходят далеко за рамки постановки. Открытая форма позволяет отвлечься от сюжетной канвы происходящего. Финал неоднозначен, ибо цель путешествия — не прибытие в пункт назначения, но само путешествие. Как цель жизни — не

достижение смерти, но сама жизнь. Внешний мир оказывается лишь ареной встречи героев, делая объемными главные идеи спектакля, обозначенные символами — *тишины, воды, света, материнства*.

Отдаленные нити тянутся к фигурам Марии и Иосифа, к затерявшимся во времени матерям и сыну, к путающимся мыслям умирающего и многому другому. Спектакль пронизан ощущением «предрождения», сам темп его будто соответствует тихому и радостному ожиданию появления на свет. Вокруг зрителя — теплая и мягкая темнота, звук воды, спокойные голоса мужчины и женщины. Кажется, будто весь зал — утроба матери и все мы еще только ждем своего прихода. Ребенок мыслится как символ спасения — и в элементарном плане (средство закрепления статуса в чужой стране), и в глубоко философском (ребенок — смысл жизни; его отсутствие — величайшее горе).

Режиссер не стремится раскрыть актуальную во все времена тему непростой жизни беженцев. Наоборот, он практически оставляет за кадром общие положения судеб этих людей, акцентируя внимание на их мыслях и чувствах, заставляя зрителя вдумываться в подтекст произнесенных слов, вслушиваться в тишину. Беседы героев в основном и протекают именно в тишине, которая дополняется минимальной по времени звуча-

ния, но прекрасно подобранной музыкой. Незаметно вливаясь в тело спектакля, *тишина* начинает звучать, и безмолвие становится то молитвой, то признанием, то просьбой. Застигнутый врасплох этой *звучащей тишиной*, зритель начинает смутно чувствовать, что среди окружающего хаоса гармонию олицетворяет только человек. Поэтому его нужно беречь и уважать. Эта мысль режиссера пропитывает каждое слово и движение героев, отношения которых вне зависимости от обсуждаемой ими темы светятся достоинством и бережным вниманием друг к другу.

В итоге — какой же реакции зрителя можно ожидать, если спектакль играется на незнакомом (и вербальном, и театральном) языке? И как быть, если даже для понимания сюжета требуется душевное и интеллектуальное напряжение? Просто нужно вспомнить, что иранская культура, ошибочно считающаяся «далекой» и «чужой», является, тем не менее, глубоко родной нам и другим народам индоевропейского ареала. История наших с иранцами духовных связей исчисляется тысячелетиями, а обширность пересечений в культуре и менталитете удивляет. Думается, именно поэтому спектакль во многом оказался понятен российской публике и, смею надеяться, произвел на нее впечатление, созданного достойно замыслу.

Марина Вялова,
студентка IV курса ИТФ

ПОЕТ, СЛОВНО КРУЖЕВА ПЛЕТЕТ

«Национальное достояние России... Певица от Бога... Такие люди рождаются крайне редко, но находят себя очень рано и всю жизнь, с самого раннего детства, освещают своим даром целые эпохи... Самое невероятное, что есть сейчас в музыке...» Вот неполный перечень эпитетов, которыми в разное время одаривали российскую этно-фолк-рок-певицу Пелагею Ханову.

С чего же все начиналось? Необыкновенно одаренная девочка из Новосибирска (1986 г. р.) с четырех лет на сцене, увлечена совсем не популярным тогда аутентичным музыкальным фольклором. В 8 лет без экзаменов поступает в школу при Новосибирской консерватории, однако никто из педагогов не берет ее работать с ее голосом, опасаясь испортить уникальный природный дар. Спустя год в конкурсе телепередачи «Утренняя Звезда» сибирская девочка уверенно занимает первое место. В 13 лет, уже в Москве, юная певица создает свою группу. В 14, экстерном закончив школу, поступает на эстрадное отделение ГИТИСа, которое оканчивает с красным дипломом. Стремительно, одна за другой, ей покоряются крупнейшие столичные концертные площадки. На творчество ее благословляет патриарх Алексей II.

Участие в престижных западных фестивалях приносит певице мировую славу. О ее голосе диапазоном почти в четыре октавы и артистическом даре перевоплощения с восторгом отзываются выдающиеся музыканты: Мстислав Ростропович и Лео Маркус, Хосе Каррерас и Евгений Кисин, Галина Вишневская, Рави Шанкар и Би Би Кинг...

В основе музицирования Пелагеи — традицион-

сибирская манера с так называемой «жесткой вокальной подачей». Но ей подвластно и кантиленное, белькантовое пение. Она продолжает оттачивать свое мастерство, постоянно расширяя круг вокальных приемов. А голос у нее действительно удивительный — то взмывает куда-то в небеса, уподобляясь высоким нотам скрипки (в арии из «Пятого

элемента», вставленной в песню «Порушка»), то становится почастушечьи крикливым, то полнокривым и звучным, как у Зыкиной.

Группа «Пелагея» (в составе бас-гитара, ударные, перкуссия, баян и вокал), названная в честь ее солистки, стала первым в России по-настоящему широко популярным коллективом, возрождающим русскую национальную музыку (в отличие от официального «телевизионного фольклора») в свежем, современном звучании и профессиональном исполнении. Музыканты ранили и создают авторские песни, на которые их вдохновляет русский фольклор, погружая все это в музыкальное пространство современной рок-культуры. Ребята поют не только русские, но и украинские, болгарские, цыганские, алжирские народные песни, русские романсы.

«Пелагея» подготовила ряд концертных программ. На их основе было выпущено несколько альбомов. «Сибирский драйв» (2009) — это запись живого концерта в Новосибирске, «Тропы» (2009;

2010, 2 CD), хоть и записаны на студии, но проникнуты духом исполнения «вживую» (в некоторых песнях слышны комментарии самих исполнителей, смешки, дыхание певицы). Здесь много авторских песен членов группы, открывающих нам новую Пелагею: новые жанры, иной стиль пения.

Альбом «Девушкины песни» (2007) можно назвать энциклопедией девичьей жизни. Самым экстравагантным в нем оказались всенародно известные «Валенки», остро приправленные рок-н-роллом и эпютом. А песня, ставшая хитом, — это «Казак», гимн молодости и весны, от которого в исполнении Пелагеи так и тянет в пляс. Особняком стоит «Нюркина песня» на стихи Яны Дягилевой, рок-певицы из Новосибирска с трагической судьбой. Наиболее «фирменными» композициями стали «Век», «Разлилась» и «Кумушки» — нежные, лиричные, деликатно аранжированные, где Пелагея поет, словно кружева плетет.

Жанры авторских песен разнообразны: колдовские славянские сказания, колыбельная, босанова. От альбома к альбому растет круг характерных исполнительских приемов: суровое хоровое а саррелла под «шаманские» барабаны в «Снежочках», нежные гитарные переборы в народных лирических, минималистическая гармония в «Гаю-гаю», вкрадчивые

вокальные подголоски-эхо и многое другое.

Ребята очень любят музыкальные аллюзии, вплетая в народные песни цитаты из известной музыки. Так в украинскую «Шедрипочку» гармонично вписались интонации из «Утра» Грига; авторскую песню «Тропы», написанную в стиле духовного стиха, обрамляет «Вокализ» Рахманинова; в духовный стих «Отжил я свой век» добавлена цитата из Pink Floyd (в студийную запись она не вошла). Подобные приемы вполне уместны, поскольку направление, выбранное Пелагеей (фольклор в рок-обработке), — эклектично само по себе. Да и в наш век, когда все кишит «новинками», порой хочется услышать что-то «до боли знакомое».

Самое удивительное в том, что «Пелагея» — невероятно успешный проект, которому никогда не были нужны «раскрутка» и продюсерские пиар-ходы. Они объездили не только всю Россию, но уже и весь мир. Армия их поклонников (не фанатов!) постоянно растет. Сейчас глава и душа коллектива, певица Пелагея, находится... в процессе написания диссертации по психологии (!) на тему «Влияние индивидуальных психологических характеристик артиста на эмоциональное состояние зрителя». Куда поведет их Муза — очень интересный вопрос...

Ксения Заморникова,
студентка IV курса ИТФ

В ЧЕРЕДЕ СОБЫТИЙ

ТАМ, ГДЕ ВСТАЕТ СОЛНЦЕ

Камерный хор Московской консерватории во главе с новым художественным руководителем Александром Соловьевым вернулся из гастрольной поездки в далекую Японию — первой в новом сезоне, хотя и давно запланированной. Хорошо известный коллектив, который в Стране восходящего солнца очень ждали, представил программу из двух отделений: «Русская хоровая музыка. Народные и советские песни», которая прозвучала в четырех префектурах Японии, включая концерт в Токио.

Поездка, прямо сказать, была не из легких: смена часовых поясов, долгий перелет, напряженный концертный график. Но все это с лихвой компенсировалось ярчайшими впечатлениями от удивительной страны. Несмотря на плотность выступлений (причем два последних концерта проходили в дневное время), наше расписание было построено очень лояльно. Мы успевали и познакомиться с городом, и отдохнуть — организация была на высшем уровне.

И с профессиональной точки зрения все было безукоризненно. Залы — как на подбор: с прекрасной акустикой, всегда

настроенными инструментами высшего класса (Yamaha, Steinway & Sons), чему был несказанно рад наш пианист Даниил Кучма. Что уж говорить о станках, артистических и прочих необходимых условиях для хорошего выступления! Особенно приятно было каждый раз по приезде в новый зал видеть стол с легкой закуской, горячими и холодными напитками. Наверное, ни один хорист не может сказать, что он видел что-нибудь подобное в других странах.

Но самое главное — мы почувствовали себя единым целым как профессионально, так и в плане взаимоотношений внутри коллектива. Здесь особенно важна роль нашего художественного руководителя: если бы не его организаторский талант, музыкальность и профессионализм, мы бы не услышали этих аплодисментов, возгласов «браво» и особенно приятных слов благодарности от

слушателей после концерта. Я думаю, что выражу точку зрения всего коллектива: гастроль хора во главе с Александром Владиславовичем прошла просто блестяще. Свою ценную лепту внес и преподаватель

кафедры современного хорового исполнительского искусства, великолепный баритон Михаил Давыдов, который своим голосом и обаянием покориł японских слушателей. И, конечно же, отдельное спасибо хормейстерам Мариш Челмакиной, Тарасу Ясенкову и Алексею Вязникову, которые чутко следили за выполнением художе-

ственных задач, а наряду с этим показали вокальное мастерство, исполняя сольные партии в различных произведениях и наглядно демонстрируя молодому поколению — к чему должен стремиться настоящий профессионал.

Япония — место, которому нет равных в мире. Одинаково ярко это можно почувствовать и в Токио, и в таком отдаленном местечке как Касивадзак. Нам открылся совершенно другой мир, полный прекрасных пейзажей и замечательных людей, чистоты и гармонии, зеленых уголков и высоких технологий. Японцы — необычайно аккуратный и трудолюбивый народ: нигде на улице ты не увидишь грязь или мусор, даже в самых густонаселенных районах Токио. Особенно поразительно нравственное воспитание. Так, гуляя по Токио, мы заблудились и решили спросить дорогу у проходящего мимо мужчины. Около 10 минут он изучал карту, в которой не было ни слова на знакомом ему языке, после чего

в мельчайших подробностях объяснил нам, как добраться до гостиницы, сопровождая свой рассказ улыбками и поклонами. И таких примеров бесконечное множество. Туристам в Японии довольно сложно, поскольку местные жители не знают ни английского, ни французского, ни каких-либо еще иностранных языков. Но, несмотря на это, никто из нас не чувствовал дискомфорта. Особенно много теплых слов хочется сказать в адрес нашего замечательного гида Марики. Она помогала на протяжении всей поездки, отвечала на все наши вопросы, превосходно владея русским языком...

Поездка была действительно очень важной для знаменитого Камерного хора Московской консерватории. Она успокоила встревоженные души доброжелателей и искренних почитателей коллектива, а скептикам ясно дала понять: славные традиции, заложенные основателем — профессором Борисом Григорьевичем Тевлиным, чутко оберегаются доцентом А. В. Соловьевым, что, несомненно, поможет сохранить и приумножить художественные богатства нашего любимого хора.

Ирина Михайлова,
студентка IV курса КФ

ЗАГАДОЧНАЯ СТРАНА

В этом году Хор Московской консерватории третий раз посетил Северную Корею, приняв участие в грандиозном фестивале, посвященном 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена. В основу программы легли песни военных лет — «Шум берез», «Журавли», «Соловьи», «Россия, родина моя», а также несколько корейских песен — «Тоска по родине», «Ариран» (в обработке Ю. Тихоновой), «Партизанский танец» (в обработке Ю. Потеенко) и др. Этот репертуар, в котором звучат слова о любви к родине и защите любимой страны, оказался особенно близок корейцам.

Праздничные мероприятия сопровождали нас на протяжении всей поездки. Открытие фестиваля было похоже на сказку. Корейцы и кореянки в ярких, расшитых цветами национальных костюмах хлопали и с улыбками приветствовали нас как самых дорогих гостей. Везде сияли огни, тут и там в воздух взлетали развивающиеся ленты... Терпению и выносливости корейцев можно просто позавидовать: хор численностью более 800 (!) человек репетировал и прогонял целиком программу концерта по нескольку раз в течение целого дня, почти все время стоя на ногах. И все это — с улыбкой, в едином порыве и с полной самоотдачей каждого!

В концерте принимали участие корейские и китайские акробаты, украинский и корейский танцевальные ансамбли, эстрадный кубинский коллектив и многие другие. Огромный зал каждый раз приветствовал нас бурными аплодисментами. После исполнения «Партизанского танца» публика подарила хору минутную овацию. Но особое ликование зала вызвала современная корейская песня «Голубое небо моей страны», последний куплет которой мы спели на родном языке. Во втором отделении выступил корейский оркестр с двумя произведениями национальных композиторов. Одно из них прозвучало под управлением С. С. Калинина, второе — корейского дирижера. Этот коллектив запомнился удивительной стройностью,

мощностью, прекрасным ансамблем в сочетании с 300-голосным мужским хором.

...Побывав в родном доме Ким Ир Сена — Ман Ген Дэ, мы узнали, что песня «Тоска по родине», звуки которой разносятся над домом и садами, родилась в период борьбы Северной Кореи с Японией и автор ее — сам Ким Ир Сен. В день его рождения наш хор повезли за город на праздничные гуляния. А вечером мы стали свидетелями грандиозного шоу фейерверков: под пение хора и звуки оркестра салют взрывался и рассыпался цветами и звездочками в течение сорока минут! Все завершилось великолепным

Концерт в Большом зале. Фото Д. Рылова

банкетом, где мы впервые увидели и попробовали экзотические азиатские блюда.

Гастроль увенчалась огромным успехом: наш хор был награжден «Гран При» по трем номинациям: за высокое профессиональное исполнение, за лучшее исполнение песни «Шум берез» и корейских песен; третью награду за высокий профессионализм и дирижирование получил руководитель коллектива профессор С. С. Калинин. Думаю, эта поездка надолго оставит чудесные воспоминания в наших сердцах!

Любовь Пивоварова,
студентка II курса ДФ

СОЛОВЬИ РОССИИ

29 октября в Большом зале состоялся концерт Хора Московской консерватории под руководством профессора С. С. Калинина с программой «Из сокровищницы отечественной песни». Консерватория не раз переживала аншлаги. И в этот осенний вечер в зале невозможно было отыскать ни одного свободного места, да и далеко не все, кто хотел, смогли попасть на концерт. Публика пришла в ожидании праздника, и то, что происходило в течение трех часов, трудно назвать по-другому.

Все первое отделение состояло из череды жемчужин песенной лирики советских лет в исполнении хора и солистов:

А. Зараева, Я. Осина, А. Бородейко, А. Ковалевич, Т. Кокоревой, А. Парфеновой, Г. Болотова, Я. Межинской, Н. Даньковой (партия фортепиано — Александр Куликов). Такие искренние и любимые всеми песни, как «Соловьи России» В. Левашова, «Родина моя» А. Новикова, «Шум берез» К. Орбеляна, «Березы» и «На тот большак» М. Фрадкина, «На лодке» В. Соловьева-Седого, звучали традиционно и в то же время свежо и современно благодаря транскрипциям Ю. Тихоновой, В. Калистратова, Ю. Потеенко, С. Калинина.

Трудно отдать предпочтение какому-то одному номеру. Сердце пело вместе с проникновенным и по-русски широким соло

Александра Бородейко в песне А. Долуханяна «Ой, ты, рожь»... Горечь тяжелых утрат шемила душу во время мужественного и сдержанного запева «Журавлей» Я. Френкеля в исполнении Антона Зараева... Легкая улыбка вместе с нежной печалью отзывались на «любственные муки» в «Рябинушке» Е. Родыгина (солистки — Татьяна Кокорева и Алена Парфенова)... Этот ряд можно продолжать, вспоминая каждую исполненную песню. Особенно ярким стал финал первого отделения: после пронзительного «Ноктюрна» А. Бабаджаняна на стихи Рождественского для хора с фортепиано в транскрипции С. Калинина на сцену вышли группа кадетов московской «Навигацкой школы» и ученица школы № 2055, чтобы вместе с нами исполнить когда-то очень популярную песню «Родина слышит» Д. Шостаковича.

После антракта звучала музыка Андрея Эшпая. Это были и премьера его транскрипции русской народной песни «То ли ясен сокол» для хора и струнного оркестра (вместе с хором в исполнении участвовала струнная группа Симфонического оркестра Московской консерватории, худ. рук. В. Валеев), и хоры без сопровождения — два хора из цикла на стихи А. Рембо и «Песня о кривичах». Кульминацией концерта стала сюита из песен А. Эшпая на стихи В. Карпеко, В. Котова, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, Г. Регистана в транскрипции для хора и двух фортепиано Ю. Потеенко. Во время грустно-лирических эпизодов зал словно замирал, а яркие моменты мгновенно подхватывал радостными аплодисментами...

Бурные овации долго не отпускали исполнителей... «Каждый может написать песню», — сказал со сцены многократно вызванный на бис А. Эшпай. Возможно, каждый. Но далеко не каждый может написать ту песню, которую с любовью и нежностью снова и снова будут петь много лет спустя...

Ольга Ординарцева,
студентка IV курса ДФ

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ТАКАЯ БЛИЗКАЯ ДАЛЕКАЯ КОЛУМБИЯ

Что будет, если девять молодых музыкантов из солнечной Колумбии окажутся со своими инструментами в Рахманиновском зале? Праздник!.. Настоящее буйство звуков, рождающее удивительно хорошее настроение, ожидало тех, кто пришел 1 октября на концерт ансамбля солистов Молодежного оркестра Антиокии (Колумбия). Под руководством своего дирижера — маэстро

Камило Хиральдо, который владеет инструментами как европейской, так и колумбийской традиции, ребята подарили слушателям поистине незабываемый вечер.

Музыка Колумбии, бесконечно добрая и светлая, обладающая какой-то изначальной мудростью, по природе своей никого не может оставить равнодушным. Излагаемая просто и непритязательно, она становится понятной любому, проникает в сердце человека независимо от того, как глубоко он был знаком с ней ранее.

Семеро молодых людей в кремовых рубашках и брюках и две девушки в белых, будто воз-

душных платьях показали уникальное богатство звуковой культуры своей страны. Любовь и грусть, острое чувство проживания каждого момента бытия, ощущение жизни как трудного счастья, бесшабашное веселье — все перемешалось тем вечером. Слушатели стали очевидцами культуры, которая оказалась так неожиданно близка их собственной. Наверное, у каждого в

душе поселилась мечта увидеть воочию прекрасную и загадочную Колумбию.

Программа ансамбля не ограничивалась лишь инструментальными выступлениями. Почувствовать необыкновенные интонации произносимого слова помогла песня. Наполненная чувством собственного достоинства и крепкой внутренней силы, она стала особым знаком этого необычного вечера. Бесхитростные мелодии, сам тембр голоса певцов создавали ту атмосферу, в которой только и возможно искреннее и полноценное восприятие звуковой культуры. Как сольное, так

и совместное пение молодых музыкантов было «изюминкой» замечательного концерта.

Апогеем вечера стало танцевальное выступление участников ансамбля. Отложив инструменты, двое юношей и две девушки в музыкальном сопровождении остальных ребят показывали «диалог» с помощью танца. Девушки, едва касаясь краев роскошных юбок, и их партнеры, сложившие руки за спиной, двигались навстречу друг другу и обратно, импровизируя в рамках национальной танцевальной традиции. В этом танце не было ни одного касания, никакого физического контакта, однако в каждом движении и взгляде танцующих выражались симпатия и достоинство, с которым они относятся друг к другу. Столь целомудренный и столь красноречивый танец поразили присутствующих своей сдержанной красотой.

В исполнении талантливых ребят известные любому колумбийцу мелодии звучали не просто великолепно — они стали родными для тех, кто находился в зале, вызывая бурные овации. Музыканты, поддержанные теплой атмосферой, загорались все более горячим желанием рассказывать о своей стране в звуках и не стремились уходить со сцены. Концерт колумбийской музыки, с таким успехом прошедший в Рахманиновском зале, стал еще одним шагом на пути познания русским слушателем музыки другой культуры — такой далекой и такой близкой.

Марина Вялова,
студентка IV курса ИТФ

ПРОБЛЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

БЕЗДОМНЫЙ ТЕАТР С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

Государственный музыкальный театр «Геликон-опера» обосновался в Доме медиков на Большой Никитской в 1990 году и в его стенах просуществовал вплоть до 2007 года, когда начались работы по строительству на том же месте нового здания театра. И вот уже 5 лет «Геликон» базируется в одном из «небоскребов» на Новом Арбате, в помещении, которое до него занимал театр «Et cetera». Казалось бы, все естественно: театр «вырос», ему стало тесно в старых стенах и потребовалось строительство нового просторного дома. Но не все так просто.

Движение «Архнадзор» выступило против сноса флигеля во дворе театра (хотя архитекторы при этом сохранили исторический фасад, выходящий на Калашинский переулок), предложив в свою очередь убрать незаконную, по мнению членов организации, надстройку. В октябре 2010 года власти Москвы приостановили часть работ из-за протестов защитников исторического облика города, но в марте 2011 года был утвержден новый проект.

А ведь сама задумка архитектора Андрея Бокова очень интересна и прогрессивна. Он решил написать новое здание современно оборудованного театра «Геликон-опера» в историческом контексте Большой Никитской, то есть сохранить оригинальный фасад и каркас дома, а новое здание разместить в его внутреннем дворе.

Звезды мировой оперы Анна Нетребко, Мария Гулегина, Ольга Бородина, Марина Мещерякова, Дмитрий

где сейчас ютится коллектив «Геликона», не поворачивается язык», — подчеркивают авторы письма.

История места пребывания театра на Б. Никитской достаточно сложна. В пожаре 1812 года выгорела почти вся улица, да и в 1943 году во время бомбежки многие здания пострадали, поэтому насколько они подлинны — может установить лишь экспертиза, проведенная правительством Москвы. Однозначным является то, что история эта связана с музыкой. Театр родился в здании, которое с XVIII века (построено оно в 1730 году архитектором Репниным) несло в себе традицию концертов и театральных представлений. А с 1886 года, когда княгиня Евгения Шаховская-Глебова-Стрешнева пристроила к главному дому специальное здание театра «Парадиз» (архитектор Терский, автор фасада Шехтель; ныне театр входит в комплекс зданий под № 19 — это Театр имени Маяковского и «Геликон»), усадьба стала одним из наиболее заметных центров московской культуры. Достаточно назвать имена Шаляпина, Собинова, Элеоноры Дузе, Камерный театр Таирова, частную оперу Зимины, которые здесь выступали. И эту традицию продолжил Дмитрий Бертман, поставив на трехметровой сцене пять десятков спектаклей, собирая в трудные 90-е аншлаги, несмотря на гудевшие в стенах бывшей усадьбы рестораны.

Проблема состоит в том, что на этот раз под угрозой оказался отнюдь не памятник архитектуры. Под угрозой — существова-

С ГОРЬКИМ ОЩУЩЕНИЕМ

Свое выступление 20 сентября под управлением 75-летнего Шарля Дютуа оркестр ГАСО посвятил памяти Евгения Светланова: на левом краю сцены Большого зала консерватории приоткрылась фотография Маэстро с дирижерской палочкой в руках. Однако программа, включавшая культовые произведения русской и зарубежной классики и обещавшая стать интересной, пала жертвой несовершенного исполнения. Оркестранты даже начали концерт не «за здоровье», а «за упокой» — в увертюре «Корсар» Г. Берлиоза все расплзлось и трещало по швам. Изредка небрежное форте и грубое тутти оттеняли лирические темы, которые музыканты старались выводить аккуратно.

Отдавать дань памяти выдающемуся дирижеру ГАСО продолжил при участии пианиста Николая Луганского, который исполнил Концерт № 3 для фортепиано с оркестром С. Рахманинова. На протяжении всего произведения лишь иногда возникали островки сбалансированного звучания с солистом. Пианист и оркестранты преимущественно находились на разных волнах и не ощущали контакта

друг с другом. Н. Луганский в тот вечер предпочел сухую и холодную манеру игры, едва ли уместную при обращении к знаменитому опусу Рахманинова. Все страсти и переживания выглядели условными и формальными, и, даже слушая побочную партию первой части и Adagio, душа не переворачивалась. Зал, тем не менее, принимал музыканта весьма радушно: поклонники пианиста минут десять пламенно его приветствовали и не отпускали со сцены, в итоге вынудив любимца сыграть бис. Н. Луганский остановил свой выбор на сочинении Рахманинова — Прелюдия соль мажор ор. 32. Без опеки оркестра исполнитель слушался намного лучше.

Популяция слушателей ко второму отделению заметно сократилась, потеряв, видимо, армию фанатов пианиста. В антракте, предвзвучивая сопрано с «Весной священной» И. Стравинского, медная духовая группа трудилась, не разжимая губ. Но «терпение и труд» в итоге «перетерли» музыку.

В ходе исполнения глассандо меди ассоциировалось, скорее, со звуком циркулярной пилы, нежели с воспроизведе-

нием гениальной партитуры. Форма, состоящая из контрастных эпизодов, совершенно не клеилась. Если в первой части была хоть какая-то динамика, то вторая часть медленно, но верно развалилась. Больше всего, пожалуй, огорчило отсутствие не то что бешеной, а вообще какой-либо энергетик. Но даже подобная интерпретация этой музыки не смогла скрыть от публики пластическую природу «Весны священной»: в кульминациях слушатели, не сумевшие сопротивляться стихии ритма Стравинского, активно подтанцовывали. Хотя музыкантов, выдавших виды, жадной творчества оркестранты заразить не смогли.

Может быть, не самое удачное выступление ГАСО связано с тем, что музыканты не успели привыкнуть к новому дирижеру? Или дал о себе знать постотпускной синдром? Как бы там ни было, но после посещения этого концерта не прибавилось ни капли вдохновения, а осталось лишь горькое ощущение оттого, что великая классика получает порой не самое достойное воплощение.

Ольга Завьялова,
студентка IV курса ИТФ

Спектакль «Царица»

Хворостовский и Ильдар Абдразаков подписали открытое письмо московскому правительству с просьбой продолжить строительство театра «Геликон-опера». «Бездомный театр с мировым именем — это нонсенс! Поскольку назвать «домом» тесное помещение конференц-зала на Новом Арбате с отвратительной акустикой, с двумя гримерными на труппу в 450 человек,

ние не менее ценного памятника российской культуры XX века, каким стал для московской истории театр «Геликон-опера». И разрешить эту неразрешимую дилемму может только разумный компромисс: Москву нужно оберегать, но нельзя ее лишать возможности развиваться.

Екатерина Селезнёва,
студентка IV курса ИТФ

Главный редактор:
профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор:
доцент М. В. Щеславская
Оригинал-макет: М. В. Переверзева
Сдано в печать 16.11.2012

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
Интернет: tribuna.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37913
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА